

Глава 20. Глаголы звучания как материал к теории семантических моделей

1. Введение

Языковой материал, представленный в этой книге, настолько разнообразен, что может служить источником обобщений не только для типологии языков, но и для теории метафоры. Возможность переинтерпретации глагола звука животного как обозначающего человеческую деятельность — связанную или не связанную со звуком — помогает нам реконструировать модели, по которым устанавливаются связи между семантическими полями на основе их (когнитивного) сходства.

В первой, вводной, главе нашей монографии мы обсуждали возможные пары сходных, с точки зрения языков мира, ситуаций, выделяя, с одной стороны, типичные источники звуковых метафор (лай собак, громкий рев хищников, крики крупных птиц, воркование голубей и проч.) и, с другой стороны, характерные результирующие области — физиологические состояния, плач, смех, агрессию, нечленораздельную речь и под. Типовые пары помогли нам системно представить материал переносных значений для отдельных языков — как в главах, посвященных конкретным языкам, так и в базе данных. Осталось обсудить сами переходы, т. е. особенности пути метафоризации, который проходят глаголы звучания в процессе семантического сдвига, и возможные при этом лингвистические преобразования.

Мы начнем эту главу с демонстрации специфики таких глаголов: представим простейшую, классическую модель метафоризации на нескольких примерах (раздел 2), а затем покажем ее неприменимость к основным, звукоподражательным, переходам типа ‘каркать’ → ‘хрипеть’ (раздел 3). Правда, некоторые более сложные переходы, например, ‘рвякнуть’ → ‘накричать’, как мы увидим (раздел 4), могут подпадать под классическое определение. Впрочем, ситуацию нельзя упрощать — и об этом раздел 5: есть похожие пары, которые, как кажется, недостаточно классичны. В последних разделах главы мы перейдем к таким глаголам звука, которые переинтерпретируются как незвуковые. Сначала, в разделе 6, мы рассмотрим случаи, которые, хотя и кажутся необычными, объясняются всего лишь комбинацией метафоры и метонимии. Гораздо сложнее устроены так называемые имплицативные метафоры (раздел 7): часть из них требует полной перестройки не только семантики, но и морфологии и синтаксиса (в нашей терминологии, ребрендинга), и об этом раздел 8.

2. Классическая метафора

Классическая метафора — как в модели ОТОБРАЖЕНИЯ (MAPPING) смысла-источника (SOURCE) в смысл-результат (GOAL), знакомая нам, в частности, как из работ Джорджа Лакова и Марка Джонсона (см., прежде всего, Lakoff, Johnson 1980 / 2004), так и в модернизированном ее варианте БЛЕНДИНГА (BLENDING), который восходит к работам Ж.Фоконье и М. Тернера (ср. в первую очередь Fauconnier, Turner 1996, 1998), — предполагает признание (частичного) сходства двух ситуаций — источника и результата метафоры.

Например, согласно словарям, русский глагол *доить* в своем исходном значении имеет в виду извлечение молока из вымени коровы, козы и под., а *пасти* — присматривать за скотом или птицей во время выгона на подножный корм. Метафорически оба они употребляются применительно к людям — ср. следующие примеры из НКРЯ:

- (1) *Доят писателей самым беспардонным образом — то хрустальную вазу достань, то путевку в Коктебель <...>* [Ольга Новикова. Женский роман (1993)]
- (2) *Летом тридцать седьмого Тамара Григорьевна и Шура уехали в отпуск в Тбилиси, Маршак в Крым. Я **пасла** Люшу в Сестрорецке. <...> Люша розовела, объедалась ягодами, бегала босиком по песку.* [Л. К. Чуковская. Прочерк (1980–1994)]

При этом процедура извлечения молока сравнивается с тем, как сотрудники издательств вымогают у писателей разные недоступные материальные ценности, а присмотр за скотом на выгоне — с присмотром за больным ребенком на даче. Ситуации совершенно разные (у писателей нет вымени, детей не гоняют хворостиной по лугу и проч.), сближаются они за счет одного и того же числа участников, общей синтаксической структуры — но главное, очевидной семантической близости, которая позволяет их рассматривать как единую ситуацию в некотором общем, интегральном семантическом пространстве, устраняя ненужные детали. В первом случае это что-то вроде заимствования принадлежащих владельцу материальных благ (причем постепенное, длительное, и в некоторой степени неприятное для владельца). Во втором — это ситуативный образ заботы и ухода за слабым или несмышленным живым существом, предполагающий кормежку, выгуливание на свежем воздухе и проч. Механизм совмещения предельно прост. Обычно он иллюстрируется знаменитыми кругами (mental spaces) Фоконье (см. рис. 1), которые, как считается, моделируют устройство любой произвольной метафоры. Однако сплошное исследование переносных значений, которые действительно хочется назвать метафорой (ведь мы и сами в этой книге используем именно этот термин), показывает, что само отношение между лексическим источником (SOURCE) и результатом (GOAL) семантического перехода для различных глаголов из поля звуков животных оказывается разным.

3. Ономастопея

Проще всего соотношение SOURCE и GOAL устроено для физиологических звуков и характеристик тембра — их источник не имеет собственной полноценной семантики,

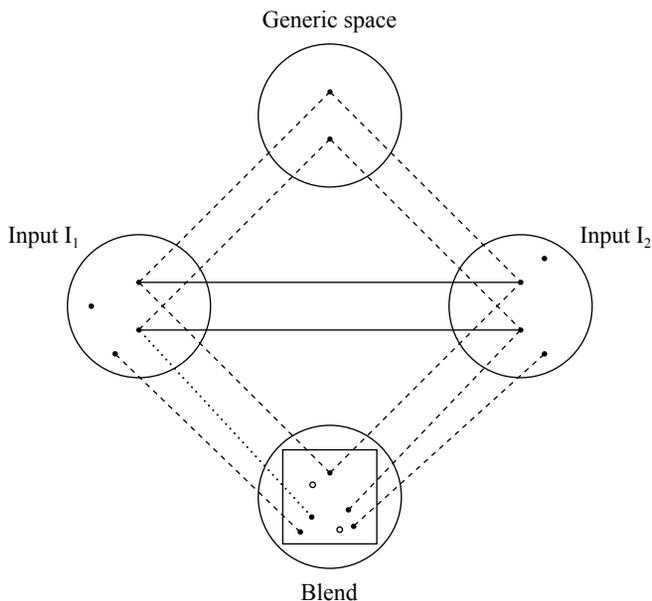

Рис. 1. Mental spaces

и перенос такого «одностороннего» знака из зоны криков животных и птиц в зону звуков, свойственных человеку, происходит исключительно благодаря сходству внешних акустических характеристик, подпадая под определение ономотопеи. Сходство устанавливается со звуком, сопровождающим значимую для человека с точки зрения данного естественного языка ситуацию: сон, физические усилия, насморк, болезнь и др. Соответственно, это может быть храп, сопение, хрип, кашель, кряхтение и под. Ср. пример (3) из валлийского языка, где глагол *chwyrnu*, исходно обозначающий рычание собаки, описывает храп, и пример (4) из калмыцкого языка, в котором та же ситуация храпа совпадает с другим звуковым образом — мурлыканья кошки или хрюканья свиньи¹. Будучи главным действующим лицом, человек, однако, такую ситуацию не контролирует, и звуки, сопровождающие ее, строго говоря, связаны не с самим человеком, а с определенным состоянием какого-то органа человеческого тела — живота, носоглотки, гортани и под.

(3) *Mae'r gŵr yn chwyrnu'n ofnadwy bob nos.* (валлийский)
 'Мой муж каждую ночь ужасно **храпит** (букв.: «рычит»)'².

(4) *Чи унтхлачн хоржэцнач.* (калмыцкий)
 'Ты во сне **храпишь** (букв.: «мурлыкаешь / хрюкаешь）」'.

¹ Кстати, направление этого переноса не так очевидно (см. подробнее главу о калмыцком языке) — но, как мы увидим дальше, на самом деле для этого случая направление перехода может оказаться не так уж важно.

² Здесь и далее приводятся примеры из созданной в рамках проекта Базы данных и из соответствующих глав настоящей монографии.

С теоретической точки зрения, этот тип переноса очень интересен: он, безусловно, основан на сходстве, а не на смежности — и в этом смысле должен представлять метафору, а не метонимию, — но ведь «настоящая» метафора предполагает отображение одной ситуации в другую прежде всего в семантическом плане, а здесь никакой содержательной трансформации исходного события в результирующее не происходит: сходство звука — действительно единственное основание такого переноса.

Эта особенность сближает данный тип перехода с явлением, которое мы обычно классифицируем как *объединение* звуков разных видов животных в рамках прямого значения лексемы³. Как мы помним, во многих языках нашей выборки одним и тем же глаголом описываются звуки, издаваемые мышами и маленькими птицами (часто птенцами). Такое объединение засвидетельствовано в русском (глагол *пищать*), норвежском (*pipe*), литовском (*cypsėti*), индонезийском (*mencicit*) и др. Другой случай совмещения животных представлен в примере (2): калмыцкий глагол *хоржэңнх* описывает как хрюканье свиньи, так и мурлыканье кошки (такую же модель демонстрирует глагол *ghurghurānā* в хинди). Основанием для подобных объединений, как и для только что рассмотренного нами переноса в физиологическую сферу, является простое акустическое сходство. По сути, разводить эти явления, трактуя одно из них как расширение прямого значения, а второе — как семантический сдвиг, близкий к метафорическому, нас вынуждает только одно: при переносе в физиологическую сферу, в отличие от простого объединения, меняется таксономический класс субъекта звука — с животного на человека.

Имена лиц как субъекты обладают выделенным статусом и целым комплексом особых свойств. Их можно приобрести через метафоризацию, и такая антропоцентричная мена субъекта очень характерна для метафор — равно как и одушевление (или олицетворение), которое в нашем случае представляет переход субъекта из зоны звуков животных в область звуков природных объектов (ветра, грома, воды в ручье и др.) и артефактов (например, печатной машинки, мотора, сломанного радиоприемника). И в том, и в другом случае сдвиг осуществляется на основе простого акустического сходства. Именно по внешним, акустическим признакам журчание воды может сравниваться с щебетанием птиц (5а–б), а работающая печатная машинка — со стрекотанием кузнечика (ср. 6).

(5а) *Onkac sayka yuweluy nokum sokeyse caycalkeliesta* (корейский)

‘Разные птицы **щебетали** в июньской зелени’.

(5б) *Sinaysmwuli caycalkelimye hulunta* (корейский)

‘Ручей бежит и **журчит**’.

(6) *Слышно, как в закутке стрекочет машинка Натальи Леонидовны <...>* [В. П. Стеценко. Из воспоминаний о Леонове (2004)]

Впрочем, олицетворение природы можно выделять и в отдельный подкласс, отличая его даже не столько от метафор одушевления артефактов, сколько от физиологических метафор. Такое решение имеет в виду, что когда природной стихии приписываются свойства одушевленного существа, как у Тютчева: *О чем ты воешь, ветер ночной?! О чем так стелешь безумно?* (ср. ту же метафору ‘ветер воет’ в финском: *tuuli ulvoo*, корейском:

³ См. сноску 1: при объединении единиц направление перехода, конечно, роли не играет.

palami wulpucicko issta — и многих других языках), то перенос связан не столько со сходством звука, сколько с восприятием стихии как живого существа со своей волей и характером, т. е., как обычно, с семантикой.

Итак, по-настоящему свободными от семантики можно считать только физиологические переносы. Другие переходы на основе сходства звуков могут осложняться появлением оценочного компонента у результирующего значения. Так, довольно стандартная метафора ‘ржать’ → ‘смеяться’, представленная в русском, немецком, венгерском, коми-зырянском и многих других языках, основана на акустической близости смеха человека и ржания лошади, но не сводится к ней. Ее результирующее значение грубого, неуместного смеха подразумевает отрицательную оценку ситуации говорящим, причем эта оценка не наследуется от исходного значения (ведь *лошадь ржет* — высказывание абсолютно нейтральное), а формируется в процессе семантического сдвига. Помимо лошадей, источниками для такой метафоры могут выступать и некоторые другие животные (гуси, козы, свиньи, ср. 7–9), однако появление компонента отрицательной оценки сопровождается этот переход практически всегда:

- (7) *Они одинаково бесились, у всех мелькали одни и те же словечки, шуточки, они одинаково хохотали, вернее гоготали.* [Даниил Гранин. Зубр (1987)]
- (8) *Er meckerte, und seine kleinen schwarzen Augen sprühten vor Vergnügen.* (немецкий) ‘Он **хихикал** (букв. «блеял»), и его маленькие черные глазки блестели от удовольствия’.
- (9) *Nazočni grokću i tresu se od smijeha.* (сербский) ‘Присутствующие **хохочут** (букв. «хрюкают») и трясутся от смеха’.

Такой эффект закономерен: при уподоблении человека животным и применении к нему характерных для животных лексем, эти слова воспринимаются как стилистически сниженные, а сама ситуация как пейоративно окрашенная (ср. *(из)дохнуть*, нейтральное в применении к животным, но негативное по отношению к человеку).

Как видим, семантический сдвиг звукоподражательных глаголов может быть устроен сложнее, чем простой перенос на основе внешнего звукового сходства, и сопровождаться появлением нового, оценочного компонента значения, однако и в этом случае, лишенный исходного семантического сходства, он не подходит под определение классической метафоры. Тем не менее, классические метафоры в зоне звуков животных все-таки есть.

4. Речевые метафоры как канонические

Представляется, что под классическое представление о метафоре подпадают или почти подпадают речевые реакции. Самый распространенный пример такого типа в нашей выборке — лай (или рычание) собаки, который переинтерпретируется как ругань, выражение недовольства (ср. 10–12). В самом деле, мы хорошо знаем, что собака действительно сердится, когда лает или рычит на своего «адресата» — и так же ведет себя человек, к которому метафорически применяется соответствующий глагол. Значит, как

и в классических случаях, которые мы обсуждали в разделе 2 на примере глаголов *доить* и *пасти*, в примерах, подобных (10–12), действительно происходит частичное наложение одной модели поведения на другую: собачьей на человеческую. По сравнению с обычной метафорой особенность здесь в том, что внешнее звуковое сходство ситуаций, ономотопея, пусть не в полной мере, а в некотором «стертом» варианте, но все же присутствует.

- (10) *Bazarда сатучылар ырылдашалар.* (татарский)
 ‘На базаре торговцы **ругаются** (букв.: «лают»)’.
- (11) *Du trenger ikke bjeffe til meg på den måten — det er frekt.* (норвежский)
 ‘Не нужно на меня так **кричать** (букв.: «лаять») — это грубо’.
- (12) *a-xe-r bere ze-haqʷə-ke-x* (адыгейский)
 TOT-PL-ABS долго RCP.ABS-ЛАЯТЬ-PST-PL
 ‘Они долго **ругались** (букв.: «лаяли») друг на друга’.

Другой пример классической метафоры в зоне глаголов звуков животных — глагол *turñams* (шокшинский диалект эрзянского языка). Его прямое значение — ‘мурлыкать’, однако, в отличие от своего русского переводного эквивалента, он описывает либо недовольную кошку, либо такое мурлыканье, которое неприятно говорящему (см. 13). Таким образом, эта лексема описывает не просто звук, характерный для некоторого животного, а звук, который это животное издает в строго определенных ситуациях, т. е. представляет собой форму, за которой стоит определенная семантика.

- (13) *bars'ik az'u t'elde, s'ed'ij-t'e suv-i-t' uš murna-m-sta.* (эрзянский)
 Барсик иди отсюда сердце-DEF.SG.DAT войти-PST-2SG уж мурлыкать-INF-EL
 ‘Барсик, иди отсюда, надоел уже **мурлыкать** (букв.: «в сердце вошел уже от мурлыканья»)’.
- (14) *mezt' murn-at, apak lotk-s'e?* (эрзянский)
 что мурлыкать-NPST.2SG NEG прекратить-IPFV.PTCP
 ‘Что **ворчишь**, не переставая?’

При смене таксономического класса субъекта глагола *turñams* с кошки на человека программа поведения переинтерпретируется, и в результате формируется значение ‘ворчать’ (пример 14). От исходного фрейма остается идея недовольства, но из-за смены типа субъекта меняется способ выражения эмоции: слова вместо нечленораздельных звуков. Сдвиг значения происходит за счет семантического сходства двух ситуаций, в полном соответствии с теорией метафоры, — но, так же как с лаем собаки, помимо содержательного сходства, базируется и на сходстве форм: и ворчащий человек, и мурлыкающая кошка издают тихие и монотонные звуки, «себе под нос».

5. Особые случаи

Классическая метафора, источник которой — глагол «звериного» звука, встречается редко, даже и в семантической зоне речевых реакций. Обычно при переходе происходит больше

перемен, чем предполагает этот механизм, но, в принципе, все эти модификации исходного значения предсказуемы. Рассмотрим два типичных примера такого рода осложнений.

5.1. ‘Шипеть’

В русском языке глагол, исходно описывающий звуки, которые издает змея, — *шипеть* — в результате семантического сдвига может обозначать речь злого, возмущенного человека (ср. 15), но отрицательная характеристика субъекта ситуации возникает здесь не просто из-за того, что человек уподобляется животному вообще (как это было в примерах с ‘ржать’ и ‘гоготать’), а наследуется от исходной ситуации: в русской культуре змея считается злой, агрессивной и опасной.

- (15) — *Мне серебро даром не надо, — прошипела она и, неожиданно вытянув руку, несколько раз мазнула мне по шее мокрым зонтиком.* [Фазиль Искандер. Начало (1969)]

Другое отличие этого сдвига от перехода типа ‘ржать’ → ‘смеяться’ в том, что он, как и положено полноценной метафоре, основан на концептуальном сходстве ситуаций, а не на чистом звукоподражании. Змея (злая по умолчанию) шипит, как бы предупреждая о нападении. Человек тоже шипит, когда он зол и рассержен, — и действительно издает звук, отдаленно напоминающий змеиный (говорит тихо и сквозь зубы), но внешнее сходство скорее поддерживает метафору, чем является ее прямым основанием. Такой семантический сдвиг устроен композиционно: сначала формируются коннотации животного, а затем на основе этого нового образа происходит сдвиг значения по модели классической метафоры.

Замечание

Вообще говоря, легко себе представить и чисто звукоподражательный перенос змеиного шипения на человека — без всяких коннотаций. Тогда с этим глаголом мог бы соотноситься любой тихий звук, например, шепот. Кстати, именно в таком значении способен употребляться индонезийский глагол *mendesis* ‘шипеть (о змее)’: он описывает тихий голос или особый шипящий звук, который может издавать человек, съевший что-то острое (см. 16–17). В обоих случаях перенос основан на внешнем акустическом сходстве:

- (16) *Rina mendesis, «Dia datang!»* (индонезийский)
‘Рина шепчет: «Она идет!»’
- (17) *Dengan muka merah ia mendesis kepedasan di ruang makan.* (индонезийский)
‘С красным лицом, он шипел в столовой от слишком острой еды’.

5.2. ‘Фыркать’ и ‘крякать’

Другой тип производных речевых реакций можно разобрать, анализируя русское кряканье или фыркание. Применительно к человеку кряканье в русском языке, как правило, обозначает звук, характеризующий положительное отношение к событию, а фыркание — отрицательное.

- (18) *Когда я повторила — «Подлец!», он даже **крякнул от удовольствия***. [И. Грекова. В вагоне (1983)]
- (19) — *День насмарку... — День! — **фыркнула** она. — Тут вся жизнь под откос, а ты из-за дня печалишься*. [Андрей Волос. Недвижимость (2000)]

Заметим, что здесь за ситуацией, в которой животное издает соответствующий звук, не стоит никакой явной культурно-специфической модели и само животное не характеризуется никакими четкими коннотациями: вряд ли можно считать довольной крякнувшую утку.

Согласимся, что ситуативно мы можем иногда «навязывать» животному временные положительные или отрицательные интерпретации их звуковых реакций — и фыркающую лошадь, например, считать в данный момент рассерженной. Получается, что лингвистическую границу между примерами, подобными шипению змеи и фырканию лошади, провести непросто. Для этого нужно точно знать, имеем ли мы дело с четкими, культурно закрепленными коннотациями или ситуативно навязанной интерпретацией поведения животного. Возьмем, например, кваканье лягушки в хинди (*Tarar-Tarar karnā*), которое используется по отношению к человеку для описания грубой и заносчивой речи или пустой болтовни, кудахтанье курицы (*kuRkuRānā*), соответствующее в хинди человеческому ворчанию, или скандальный крик человека, передающийся в агульском как ослиный рев (идеофон *ʒar*), и под. Есть ли соответствующие им коннотации или культурно-специфические модели — неясно, и, в общем, непонятно, как это можно строго и по универсальным правилам восстановить. Тем не менее, во всех подобных случаях (а их немало среди наших примеров) мы можем констатировать асимметрию в статусе семантики исходной ситуации, связанной с поведением животного, и результирующей, связанной с человеком. «Человеческие» ситуации обладают стойким и определенным значением, соответствующим прежде всего разным типам реакций, в то время как звуки животных приобретают его только через коннотации с самим животным, его воображаемым образом, укоренившимся в фольклоре или через ситуативную интерпретацию его сиюминутного поведения.

6. Сложные переходы: от звука к поведению

Все классы переходов, которые мы рассматривали до сих пор, сохраняли у исходного глагола звуковую семантику. Менялся ее статус: в одних случаях она оставалась на первом плане (ср. переносы на основе внешнего акустического сходства), в других становилась второстепенной, уступая место семантике ситуации (ср. все случаи классической метафоры). Однако глаголы звуков животных могут подвергаться и более серьезной перестройке исходного значения, в результате которой звуковой компонент теряется полностью. Механизмы таких переносов многообразны. Мы начнем с обсуждения таких, которые основываются на метонимическом сдвиге со звука на ситуацию, в которой этот звук издается, ср.:

- (20) *Komarac zuji po sobi*. (сербский)
 ‘Комар **летает** (букв.: «жужжит») по комнате’.

Исходное значение сербского глагола *zujati* — звуковое: он описывает жужжание комаров, мух, пчел и некоторых других насекомых. В примере (20) этот глагол, употребленный метонимически, обозначает не просто жужжание комара, а скорее, сопутствующую ему ситуацию — движение по комнате. Впрочем, пока звуковая семантика лексемы все-таки утрачивается не полностью — как в стандартных метонимических сдвигах, происходит перераспределение «рангов» компонентов значения: поведенческий компонент занимает основную позицию, а звуковой отодвигается на второй план (см. Падучева 2004, Кустова 2004, Стойнова 2008 и др., а также Главу 22 настоящей монографии).

Дальнейшая семантическая эволюция лексемы *zujati* влечет за собой более серьезные изменения. Замена субъекта ситуации (насекомого на человека) вызывает метафору. В результате формируется значение, в котором основные черты исходной ситуации (бесцельное, беспорядочное движение) воспроизводятся уже применительно к человеку, и одновременно полностью утрачивается компонент звукового сопровождения, человеку не свойственный:

- (21) *U onim "dobrim" danima **zují** po gradu ili izlazi sa odabranim društvom.* (сербский)
 ‘В такие «хорошие» дни он **шагается** (букв.: «жужжит») по городу или куда-нибудь ходит с избранной компанией’.

Обратим внимание, что точно такой же переход засвидетельствован в норвежском:

- (22) *Han **surret rundt.*** (норвежский)
 ‘Он **бесцельно бродил** (букв.: «жужжал») вокруг’.

Аналогичный сдвиг претерпевает мокшанский глагол *bzname*. Исходно он также обозначает жужжание насекомых, которое метонимически переносится на сопутствующую ему ситуацию — быстрое, но бесцельное перемещение в пространстве. Однако замена субъекта действия с насекомого на человека дает результат, немного отличный от того, что мы наблюдали в сербском и норвежском, но столь же естественный: суетливое, бесполезное копошение (см. пример 23).

- (23) *son celaj ši **bžna-s'** kuhn'a-sə,*
 он целый день жужжать-PST.3SG кухня-IN
men' l'em-gə iz' pid'ə s'emika-t'i. (мокшанский)
 даже суп-ADD NEG.PST.3SG варить семья-DEF.SG.DAT

‘Она целый день **возилась** на кухне, даже суп не сварила для семьи’.

Таким образом, описанный сдвиг основан на последовательном действии двух разных механизмов: метонимии, «превращающей» звук в движение, и метафоры, «переводящей» движение с животного на человека. В литературе, посвященной теории семантических переходов, такие случаи упоминаются под названием *метафтонимия*, которое предложил Л. Гуссенс (см. Goossens 1990)⁴: технически они достаточно прозрачны и воспроизводятся от языка к языку.

⁴ О дальнейшем развитии этого понятия см., например, Ruiz de Mendoza, Díez 2002 и Ruiz de Mendoza, Galera-Masegosa 2011.

Возможен и обратный порядок следования переносов: сначала метафора ‘звук животного → звук человека’, а потом метонимический перенос со звука на сопровождающее его поведение. Он засвидетельствован, например, у английского глагола *to croak* ‘каркать/квакать’, который, будучи употребленным по отношению к человеку, обозначает смерть:

(24) *He had a heart attack and croaked.* (английский)

‘У него случился сердечный приступ, и он **помер** (букв.: «каркнул/квакнул»)’.

На первом этапе этого перехода реализуется обычная звукоподражательная метафора, описанная в третьем разделе и свойственная физиологическим состояниям: по акустическому сходству при замене субъекта с животного на человека ‘каркать/квакать’ осмысливается как человеческий хрип, в том числе предсмертный. На втором этапе действует метонимия: происходит сдвиг значения со звука (хрипа) на ситуацию, в которой он слышится. В данном случае это — культурно выделенная ситуация смерти человека.

Аналогичный сдвиг засвидетельствован и у глагола с другой исходной семантикой — сербского *rikati* ‘рычать’. Интересно, что он демонстрирует дальнейшее развитие этого перехода: *rikati* может обозначать не только смерть человека, но и поломку артефакта (ср. русск. сленговое *У меня сдох принтер*)⁵:

(25) *Riknuo je server ili šta god to značilo i prekinula sam gledanje svoje omiljene serije.* (сербский)

‘То ли сервер **сломался**, то ли еще что-то, но я не смогла досмотреть свой любимый сериал’.

Английский глагол *to squeak* ‘пищать (о мышах)’, развиваясь по тому же сценарию «метафора + метонимия», приобретает значение ‘втискиваться’. Метафорический сдвиг, который он претерпевает на первом этапе, переносит его в зону звуков артефактов: по принципу внешнего акустического сходства он начинает обозначать скрип (см. 26). А поскольку этот звук, как правило, возникает при трении объектов друг о друга, лексема приобретает способность описывать и саму ситуацию, в которой этот звук часто возникает, — в том числе и ситуацию, не сопровождающуюся звуковым эффектом, ср. (27).

(26) *My shoes squeak when I walk.* (английский)

‘Мои ботинки **скрипят** при ходьбе’.

(27) *The sun was squeaking through the heavy clouds by then and the rain had stopped.* (английский)

‘К тому моменту солнце уже **протискивалось** сквозь тяжелые тучи и дождь перестал’.

⁵ Тем самым, происходит еще один метафорический сдвиг. Последовательности из нескольких метафорических переносов в англоязычной литературе получили название «метафорических цепей» (*metaphoric chains*), см., например, Ruiz de Mendoza, Galera-Masegosa 2012 и Ruiz de Mendoza, Pérez-Hernández 2011.

Более того, превратившись в предельный глагол движения, *to squeak* подвергается типичному для этого класса лексики метонимическому переносу акцента с процесса на результат⁶ (28).

- (28) *He squeaked into office by fewer than 2,000 votes.* (английский)
 ‘Он едва **протиснулся** на эту должность, набрав меньше 2000 голосов’.

Как известно, метонимические сдвиги, в отличие от метафорических, не всегда заметны носителю⁷ — собственно, при метонимии сдвига как такового может и не быть, и это демонстрирует пример сербского глагола *hukati/huktati*, который в прямом значении описывает крик совы:

- (29) *Bila je to sova. **Hukala** je sa trešnjine grane.* (сербский)
 ‘Это была сова. Она **ухала**, сидя на ветке черешни’.

Применительно к людям эта лексема, как правило, обозначает процесс, практически лишенный звукового компонента: человек дышит ртом на руки, чтобы их согреть (в этом значении у глагола обычно появляется дополнительный участник ситуации — ‘руки’).

- (30) *Kormilar Mašić **hukao** je u prazne ruke pokušavajući da ih zagrije.* (сербский)
 ‘Рулевой Машич **дышал** (букв.: «ухал») на раскрытые ладони (букв.: «пустые руки»), пытаясь согреть их’.

Повторяя ход наших рассуждений о метафоре хрипа, можно реконструировать сначала звукоподражательную метафору, при которой глагол крика (уханья) совы стал обозначать характерное шумное дыхание человека (‘уханье совы’ → ‘шумное дыхание’, что-то вроде ‘пыхтеть’), а затем метонимический перенос со звука на ситуацию, в которой этот звук часто издается: ‘шумно дышать на ладони’ → ‘согревать руки’. Надо сказать, что примеры собственно звуковых антропоцентричных употреблений *hukati/huktati* мы действительно обнаружили — но в основном они тоже ситуативно связаны, ср. характерное *nemoj da mi hukčeš za vrat* ‘не дыши (букв.: «не пыхти») мне в спину’ — о человеке, который стоит слишком близко. Поэтому разделить идею шумного дыхания и согревания рук и проследить историю метонимии напрямую, конечно,

⁶ Метонимический сдвиг такого типа в уже упоминавшихся работах Падучева 2004 и Кустова 2004 противопоставляется более традиционной «аргументной» метонимии. В случае «аргументного» метонимического переноса происходит перестройка акцентов внутри аргументной структуры лексемы (ср. классический пример *выпить воду из стакана* vs. *выпить стакан воды*). «Результативная» метонимия, напротив, затрагивает не аргументы, а саму глагольную семантику, выдвигая на первый план один компонент значения и «затеняя» другой. Такой сдвиг характерен для глаголов, обозначающих предельные процессы: в них акцент смещается с действия на его результат (ср. *Он перекрывает проход стульями* vs. *Стулья перекрывают проход*). В англоязычной традиции это явление получило название “end-point” metonymy (метонимия конечной точки), см. Lakoff 1987/2004, Brugman 1988.

⁷ Проблема разграничения метонимии и других явлений, близких, но, видимо, не подразумевающих сдвига в значении (таких, как активация зон и фасетизация), рассматривается подробно, например, в Benczes et al. 2011.

невозможно: лексикализованные метонимические контексты «проглатывают» промежуточные этапы, иначе бы многозначность мешала нам понимать результирующие конструкции. Ведь в этом случае они были бы не так ярко противопоставлены контекстно.

7. Импликативные переходы

В этом разделе мы рассмотрим самые необычные переходы, многие из которых в главах, посвященных конкретным языкам, и в Базе данных условно названы «семиотически нагруженными», ср. русск. *брехать* → ‘врать’. В отличие от всех рассмотренных, в них нет ни явной звукоизобразительности, ни явного поведенческого сходства исходной и результирующей ситуаций. Механизм такого перехода — это не звукоподражание, но и не классическая метафора. Мы считаем, что «двигателем» значения, связующим звеном между исходным и конечным семантическим полем в таких случаях является импликатура: по нашему мнению, роль импикатуры в лексических преобразованиях так же велика, как и ее уже общепризнанная роль в процессах грамматикализации (подробнее об этом типе переходов в связи с семантикой процессов грамматикализации см. в Рахилина и др. 2010а, Рахилина и др. 2010б). В качестве иллюстрации мы разберем русские глаголы *брехать*, *зудеть*, *зудеть*, *куковать*, а также ‘ворковать’ в агульском, ‘блеять’ в сербском и ‘реветь (о корове)’ в хинди.

7.1. Русское *брехать* означает ‘лаять без повода’, т. е. не для того, чтобы привлечь внимание к опасности, чужому человеку и проч., а «просто так». Импликативно из такой ситуации *следует* идея обмана хозяина, и именно на базе этой производной, незвуковой ситуации частного обмана строятся дальнейшие, переносные употребления данного предиката по отношению к человеку: *брехать* осмысливается как ‘лгать по незначительному поводу, выдумывать несуществующее’ и превращается в так называемый интерпретационный глагол (см. Апресян 2006, Кустова 2000 и др.). Такое развитие характерно и для глагола *to woof* в американском английском.

7.2. Агульское ‘ворковать’ (идеофоны *kut-kut / küt-küt*) при сдвиге значения понимается как тихая речь, причем именно беседа между двумя людьми, так как голуби воркуют парами. Если считать, что люди сознательно понижают голос и не хотят, чтобы их слышали, то импликатура сплетни, свойственная этому агульскому глаголу, выглядит очень естественно. Как видим, это тоже переход звукового глагола в интерпретационный.

7.3. Похожим образом развивается **русское *зудеть*** — изначально это глагол звука артефакта (трубы), а не звука животного. Правда, по-русски *зудеть* описывает и характерный звук крупных насекомых, прежде всего, пчел — так что нам естественно рассматривать и его импликативное развитие. Речь идет о значении ‘пить и гулять, веселиться — о большой и шумной компании’:

(31) *Я не помню, сколько дней мы зудели. <...> Я засыпал в кресле или мордой в салате <...>* [Андрей Белянин. Свирепый ландграф (1999)]

Это интерпретационное (как у *брехать* и ‘ворковать’) значение восходит к употреблению типа *толпа гудела* и более частотным метонимическим, как в примере (32), со значением ‘шуметь — о помещении, в котором одновременно и громко разговаривает большое количество людей’; дальше действует импликатура ‘шумная компания → гулянка и веселье’.

(32) *Зал гудел, как муравейник. Готовились к молебну.* [В. А. Гиляровский. Москва и москвичи (1926–1934)]

7.4. У сербского *blejati* ‘блеть (об овце)’ два нетривиальных значения — стативное ‘пялиться’, что-то вроде русского ‘смотреть как баран на новые ворота’ и интерпретационное ‘ничего не делать (о человеке)’ — ср. русск. *Что стоишь, как баран?* Опрос информантов показывает, что оба эти перехода опираются на присущие сербскому особые коннотации овец как глупого и ленивого скота — впрочем, по-видимому, эти коннотации возникают все-таки с некоторой опорой на особенности поведения конкретного вида животных. В то же время ожидать, что эти коннотации будут непременно воспроизводиться во всех или даже во многих языках мира, трудно. Наш следующий пример с кукушкой показывает, что даже если у животного есть очевидные поведенческие «привычки», как у воркующих голубей или без толку брешущих собак, соответствующий имплицативный компонент не универсален и редко повторяется: он настолько связан с культурными стереотипами, что, скорее всего, плохо поддается типологизации.

7.5. **Кукушка** издает особенный звук — настолько своеобразный по своему характеру — короткий, как бы двусложный, всегда многократно в точности повторяющийся, — что в русском языке, как и во многих других, для него есть специальный глагол: про кукушку, в отличие от других лесных птиц, говорят не *поет*, а *кукует*:

(33) *За лугами, в синеющей роще, куковала кукушка.* [И. А. Бунин. На даче (1895)]

Метафорически так же называется механическое «пение» традиционных часов с кукушкой: как правило, жестяная кукушка еще и выскакивает из часов, «кукуя»:

(34) *На стене висели часы с кукушкой — казалось, каждую минуту она высовывалась из домика и куковала.* [И. Грекова. Фазан (1984)]

Однако, когда этот глагол применяется к человеку (первые примеры такого рода, согласно НКРЯ, относятся к 20-м годам XX века), звуковая составляющая из него исключается: в таких контекстах русское *куковать* значит что-то вроде ‘жить / быть одному (не желая того) / быть покинутым и ждать, бездействуя’:

(35) *Бабым умом она поняла, что быть войне долгой, мужиков не останется и куковать ей одной до конца дней своих.* [Н. Н. Никулин. Воспоминания о войне (1975)]

или:

(36) *Здесь уже куковало много эшелонов с демобилизованными победителями.* [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)]

Природа этого значения тоже имплицативна: пение кукушки не получает ответа; отсюда идея кукушкиного, а затем и человеческого одиночества. Следующая цитата известного знатока природы М. М. Пришвина свидетельствует, что и натуралисты связывают пение кукушки с одинокой жизнью: *Кукушка теперь хорошо кукует, она одна теперь холостая* [М. М. Пришвин. Дневники (1924)]. Между тем, по замечанию А. Никунласси и Е. Протасовой (см. Главу 11 настоящей монографии), финское ‘куковать’ (*kukka*) в переносных употреблениях означает иное: ‘оставаться поздно и долго бодрствовать’, без оттенка одиночества и ожидания, как в русском. Отсюда видно, что универсальная модель переходов, которую мы хотели бы построить, не может быть абсолютно жесткой, она должна предусматривать разные векторы семантического развития, в том числе имплицативного, и в перспективе объяснять выбор каждого из них.

Вместе с тем, совершенно идентичный описанному механизму возникновения переносного значения, и с тем же результатом, действует теперь в отношении русского глагола *кукарекать*. Любопытно, что поведенчески эти две птицы — кукушка и петух — сходны только в одном: крик петуха, как и крик кукушки, тоже остается без ответа. По НКРЯ, первые свидетельства такого сдвига приходятся на 80-е годы XX века, с тех пор *сидеть-кукарекать* означает в разговорном русском ‘оставаться в одиночестве <вопреки желанию>’:

- (37) <...> *приходится одному кукарекать, пока не занесет нелегкая кого-нибудь вроде вас.* [Федор Чернин. Вячик Слонимиров и его путешествие в непонятное // «Звезда», 2002]

7.6. Любопытный переход представляет глагол *Dakarnā* в хинди (см. Главу 9 в настоящей монографии). Исходно он означает что-то вроде ‘реветь (но не мычать): о корове’, но, по-видимому, соответствует какому-то единичному звуку, потому что метонимически переносится на почти мгновенное сопутствующее действие — ‘рыгнуть’. В этом значении в хинди этот глагол безоценочный, равно применимый к корове и человеку в соответствующем контексте, так что с теоретической точки зрения он особого интереса не представляет. Однако причина появления другого его производного значения — ‘украсть, ограбить, скрыться с чужими деньгами’ — довольно любопытна.

Ясно, что такое неожиданное значение могло возникнуть только имплицативно — и сама импликация требует дополнительного исследования специалистов по хинди. В параллель, в качестве рабочей гипотезы, вспоминается русская пара *свистнуть* (звук) → *свистнуть* ‘украсть’, в которой результирующее значение, по-видимому, апеллирует к высокой скорости действия. Другая гипотеза (она тоже обсуждалась с информантами) состоит в том, что ситуация срыгивания сопряжена с заглатыванием еды, так что у глагола *Dakarnā* может быть неявная метонимическая связь со значением ‘глотать’ или ‘съесть’. Она проявляется косвенно: некоторые информанты говорят, что *Dakarnā* означает также состояние, *результирующее* по отношению к предельным ‘глотать’ или ‘съесть’ — а именно, сытость, т. е. демонстрирует стандартную результирующую метонимию как раз по отношению к этим значениям. Если это так, то цепочка

(‘срыгнуть’ →) ‘глотать / съедать’ → ‘украсть / ограбить’
 ↓
 [‘быть сытым’]

напоминает другой сдвиг, тоже засвидетельствованный в разговорном русском: ‘слизнул’ → ‘украл’.

7.7. Полет комара сопровождается неприятный тонкий монотонный вибрирующий звук — говорят, что *комар зудит*. Однако у глагола *зудеть* есть и другая, особая группа употреблений — она представлена в примерах типа (38):

(38) <...> *все тело — зудит и горит; раздраешь его: наградили блохами* <...> [Андрей Белый. Африканский дневник (1922)]

Вообразить себе имплицативную модель, по которой будет более или менее стандартно развиваться переход типа ‘комар зудит’ → ‘все тело зудит’, представленный в языках мира довольно широко, затруднительно. Дело в том, что, как и все звуковые глаголы, это глагол активной деятельности, и он агентивен, тогда как результатом его сдвига оказывается сугубо неагентивный, экспериенциальный глагол боли и неприятных ощущений. В принципе, такого рода имплицативные переходы возможны — но только при наличии объекта у исходного предиката, ср.: *Вася колот иглой руку* (агентивный глагол физического воздействия на некоторый объект) → *рука / бок у Васи колот* (глагол боли, при котором исходный пациенс [рука или бок] становится неагентивным субъектом, а бывший агент [Вася] — экспериенцером-посессором). Подробнее об этом переходе мы рассказывали в Рахилина и др. 2010а: стр. 520–522; некоторое его обсуждение см. также ниже в разделе 8. Легко видеть, что эта модель перехода не годится для *зудеть*: в отличие от *колоть*, *зудеть* — глагол одноместный, он не предполагает не только объекта, но даже и адресата. В то же время, это далеко не единичный переход: точно такое же значение развивает и *зудеть*, по крайней мере, в русском, — тоже, без сомнения, предикат безобъектный и безадресатный:

(39) *С наслаждением вытягиваю ноги. Тело зудит от усталости.* [Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут (1967)].

Наша трактовка этих примеров состоит в том, чтобы постулировать возможность лексического совмещения для таких пар физиологических ощущений. Обычно это принято делать для пары звуковых и зрительных впечатлений (ср. прежде всего общие лексические характеристики звука и цвета: *громкий звук / цвет; яркий цвет / звук*), см. Sweetser 1990. Надо признать, однако, что некоторые типы звука хорошо коррелируют не только со зрительными, но и с телесными ощущениями и как бы «слышатся телом» в виде вибраций или кожной реакции (зуда). Кажется, что признание пар таких полей смежными было бы естественно и дало бы ключ к более широкому кругу эффектов, хорошо заметному, например, в зоне качественных признаков, которые, как правило, объединяют разные типы ощущений в одной лексеме (ср. Кашкин 2013, Холкина 2014, Рахилина, Резникова 2013 и др.).

В качестве косвенного подтверждения сказанному заметим, что в агульском встречается и вполне предсказуемый дальнейший — метафорический — переход с физиологических ощущений, вызванных звуком насекомых, на эмоциональные: ‘мое тело зудит’ → ‘мне неприятно’ (в ситуации страха или сочувствия), по аналогии с *сердце щемит, дыханье / дух перехватило* и под. Похожие сдвиги засвидетельствованы также в татарском языке и в шокшинском диалекте эрзянского, где глаголы с исходным значением ‘жужжать’ развивают семантику ‘беспокоиться’. Близкий перенос наблюдается и в хинди: глагол *bhinaknā* ‘жужжать’ приобретает способность обозначать несколько иную отрицательную эмоцию — отвращение.

Все рассмотренные в 7.1–7.7 примеры объединяют такие свойства семантического перехода, как отсутствие звукоподражательности, отсутствие поведенческого сходства и импликатура — в виде основы для возникновения результирующего значения. Эти свойства касаются семантики. Между тем, как мы уже не раз наблюдали, при имплицативном сдвиге может быть нетривиален даже синтаксис — и не только.

8. О синтаксисе, морфосинтаксисе и других особенностях, сопутствующих имплицативным переходам

И звукоподражания, и классические метафоры вроде речевых реакций, и близкие им неречевые реакции полностью наследуют глаголу звука животного и практически без изменений сохраняют модель управления исходного глагола, его словообразовательный потенциал и аспектуальные свойства. В частности, такие употребления остаются непереходными, ср. *кот урчит* — *живот урчит*, непереходность характерна и для неречевых реакций типа *удовлетворенно крикнул* или *возмущенно фыркнула*. Правда, как реакции, эти глаголы получают возможность факультативно присоединять причину (*он только крикнул от удовольствия*). Речевые реакции сохраняют факультативного адресата (ср. *рычать на кого-л.*) и вдобавок к этому получают возможность (тоже факультативно) вводить прямую речь (– *Где деньги? — прошипела она.* [Андрей Геласимов, 2009]), однако не всегда ее содержание, как должны были бы — если бы в результате перехода они стали полноценными глаголами речи: *сосед ??рычал (!кричал), что вызовет полицию*. Такие примеры в корпусе практически отсутствуют.

В отношении словообразования и аспектуальной принадлежности звукоподражания и речевые реакции еще более стабильны: в результате перехода они остаются действиями, итеративными или однократными, и развивают в целом соответствующие исходному значению приставочные производные, прежде всего связанные с фазовостью (*зарычать, прорычать* и под.). Различия, впрочем, случаются и здесь, ср. *реветь*, при котором возможен любой тип субъекта — и животное (тигр, лев, медведь и под.), и человек, и природные объекты (буря, ветер, волны, вода, ураган и проч.) vs. его приставочный дериват *взречь*, допустимый при субъекте-человеке, но не встречающийся с природными объектами: *буря редела vs. ??буря взрела*.

На этом фоне поведение «семиотических» глаголов выглядит много более динамично: расставаясь в новом употреблении с исходным звуковым образом, они полностью переходят в другое поле, перенимая морфологические и синтаксические свойства, характерные для его основных представителей. Так, русское *бредить* в производном значении ‘лгать’ полностью теряет возможность управлять предложением *на*, который вводит адресата лая, рычания, шипения и др. при всех глаголах звуковой реакции животных, и тем самым уходит от модели управления, свойственной целой группе «собачьих» звуковых глаголов (*лаять*, *тявкать*, *рычать* и под.), ср.: *Собаки нигде не брежут на него* [И. А. Бунин. Хороших кровей (1913)], но *Что ты мне / *на меня брешешь*.

Как правило, меняется и словообразовательный потенциал «семиотического» глагола в результате перехода: глагол *бредить* в значении ‘лаять’ практически не имел приставочных коррелятов, и только в результате семантического сдвига возникли такие производные, как *набрехал* (по аналогии с *наврал*), *сбрехнул* (по аналогии с *соврал*), *отбрехался* ‘отказался делать что-л, придумав предлог’ (по аналогии с *отказался*, *отбрыкался*, *отвертелся* или с семантически пустым *отбоярился*) и др. Или, напротив, при переходе могут потеряться словообразовательные конструкции, ср. [*на-V Num Temp*]: *накуковать 20 лет* («предсказывая», по известному поверью, сколько лет человеку осталось жить на свете) — в производном значении ‘жить в одиночестве’ *куковать*, естественно, утрачивает способность встраиваться в эту словообразовательную модель.

Но главное — это то, что имплицативные глаголы, которые переходят в принципиально другой таксономический класс, могут кардинально менять акциональность глагола, «трансформируя» его из действия в состояние. Именно такое тотальное изменение одновременно всех глагольных свойств — ср. используемый нами в Рахилина (ред.) 2010 термин *ребрендинг* — мы наблюдаем, в том числе, на примере русского глагола *куковать*. Действительно, *куковать* (или *кукарекать*) в значении ‘находиться в одиночестве’ выражает неконтролируемое состояние, а не, как ожидалось бы на основе исходной акциональности, многократно повторяющееся действие.

В отношении тотальных ребрендинговых преобразований рассмотренные нами имплицативные глаголы звуков животных не являются исключением. В частности, глагол *пасти*, который мы обсуждали во втором разделе как пример простейшего метафорического отображения одного семантического поля в другое, может развивать и ребрендинговое значение ‘следить за кем-л.’, ср. сленговый пример (40):

(40) — *И чего тебе здесь надо? Пасешь за нами, что ли?* [Виктор Доценко. Срок для Бешеного. (1993)]

В таких употреблениях вместе с исходным значением *пасти* расстается со множеством привычных свойств — морфологических, деривационных, синтаксических. Например, глагол теряет исходно присущую ему медиально-возвратную форму *пасться* (*kozy пасутся на лугу*), приставочный коррелят с *вы-* (ср. *выпасать свиней* vs. *выпасать за кем-то*), а главное — переходность, свойственную контекстам с объектом-животным и наследуемую, как мы помним, при простой метафоре (*пасти козу* → *пасти больную Люшу*, как в примере (2) из раздела 2). Это естественно, потому что из глагола воздействия, похожего по семантике на *охранять* или *содержать*, он становится глаголом

поступательного движения вслед за ориентиром, похожим на *идти за, следовать за, следовать за, гоняться за* и др. под. В таком качестве ему «не нужны» ни приставочный коррелят с *вы-*, ни прямой объект — а значит, и медиальная форма. Это и есть ребрендинг, основанный на имплицативном семантическом переходе.

Подобного рода сдвиги в русском языке описывались для двух групп исходных глаголов: глаголов перемещения — таких, как *тащиться, оставлять, качать* и под. (см. Розина 2005, Резникова 2014), и глаголов воздействия типа русских *жать, давить, колоть, резать* и др. (см. Кустова 1998, 2004 и Падучева 2004) — с акцентом на экспериенциальности результирующей семантики. Развитие этой идеи было предложено в рамках построения типологии метафор боли в работах Рахилина и др. 2010а, Reznikova et al. 2012 и Брицын и др. (ред.) 2009, где с этой точки зрения рассматривались в том числе и некоторые глаголы звука. Теперь так описана существенная подгруппа звуковых глаголов — причем вне болевых контекстов.

9. Вместо заключения

Понятно, что пока, даже если брать все проведенные исследования в целом, имплицативных глаголов найдено слишком мало, чтобы делать глобальные обобщения. Тем не менее интересно, в какой степени описанные в разделе 7 имплицативные глаголы звука укладываются в общую картину: ставят ли они новые вопросы для теории и нет ли надежды в будущем, рассмотрев более широкую выборку, найти в них какие-то особенности.

Общая картина такова, что практически всегда ребрендинг, или имплицативный переход значения, связан со стативизацией исходного предиката — об этом писали все его исследователи, а боль / неприятные ощущения или эмоция как частотные конечные состояния служат тому хорошим подтверждением. Стативизация как бы оправдывает тотальную перестройку лексемы на всех уровнях, потому что предполагает слишком радикальный сдвиг исходного значения.

Среди наших примеров тоже есть результирующие глаголы неприятных ощущений: *зудеть* (как *тело зудит*) и *гудеть* (*ноги гудят*), а *куковать* и *кукарекать* можно отнести к классу эмоций — все это полноценные стативы. Однако в большинстве случаев звуки животных имплицативно переходят в значения, которые описывают **поведение** — ср. *брехать, гудеть* в значении ‘пить, веселиться’, а также из других языков: ‘сплетничать’ или ‘бездельничать’. Это не полноценные стативы — мы характеризовали такие значения как интерпретационные. Между тем, по мнению Ю. Д. Апресяна (2006) и Г. И. Кустовой (2000), интерпретационные глаголы по своим свойствам в определенной степени близки стативам, потому что содержат оценочный компонент: они описывают не просто некоторую деятельность, а ее **оценку** говорящим. Не исключено, кстати, что именно сверх-оценочность сленговой лексики помогает этому пласту слов массово создавать и «переваривать» огромное по сравнению со стандартным языком количество сдвигов значения ребрендингового типа (ср. Розина 2005). Как видим, это могут быть примеры не только оценочных стативов, прежде всего эмоций, но и оценочного поведения, т. е. разных типов деятельности.

Сказанное — всего лишь гипотеза, которая могла бы объяснить часть нашего нового материала, но она еще нуждается в дальнейшем подтверждении. Так или иначе, за ее пределами остается любопытный случай имплицативного сдвига, который обсуждался в связи с проблемой глагола *Dakarnā* в хинди, а именно, *свистнуть* → *украсть*. Он соответствует переходу из события в событие, а не в состояние или поведение — и тем не менее, не может быть интерпретирован как простая метафора, непосредственно отображающая одно семантическое представление в другое: между свистом и кражей нет ровно ничего общего.

Последний пример показывает, что зона звуков недооценена с точки зрения теории метафоры — и в доказательство этого мы обсудим здесь еще один нетривиальный эффект, который можно ожидать при имплицативном переходе предикатов зоны звука. Он хорошо иллюстрируется на примере глагола *гудеть* в значении ‘пить, веселиться’ как производном от значения ‘шуметь’ (см. раздел 7.3): *толпа гудела* (= ‘шумела’) vs. *свадьба гудела*. Эффект связан с наблюдателем, которого в контексте звуковой ситуации точнее было бы назвать слушателем, и состоит в том, что в результате имплицативного переноса может меняться не только семантика, синтаксис или морфология лексемы, но и такая ее прагматическая характеристика, как позиция слушателя-наблюдателя.

Так, гудение толпы мы всегда слышим только извне: можно сказать *толпа гудела*, но невозможно в том же значении **мы гудели*, как если бы слушатель этого гудения сам находился в той же толпе. Зато *мы гудели* (с говорящим-наблюдателем среди участников) совершенно естественно в интерпретационном значении — питья, гулянья и веселья, ср. пример (31) из раздела 7.3: *Я не помню, сколько дней мы гудели* <...>

Очевидно, что это особенность именно звуковых глаголов (ср. также в похожих контекстах *?я шумел*, *?я грохотал сапогами* и др. под. — см. здесь Падучева 2004), которая может проявиться и у других типов глаголов восприятия. Она мотивирована спецификой их сдвига: исходная ситуация звука, по сути дела, при имплицативном переносе просто исчезает, и с ней исчезает внешний наблюдатель-слушатель, а «обычный» говорящий легко может встраиваться в любую «обычную» ситуацию как ничем не примечательный ее участник.

* * *

Подводя итоги как этой Главы, так и нашей монографии в целом, можно сказать, что сплошное исследование метафор — как с типологической, так и с теоретической точек зрения — это важная работа, далекая от завершения. Несколько лет назад мы сделали это для глаголов боли и выявили там общезначимые тенденции и закономерности. Многие явления, которые стали ясны тогда, на болевых предикатах, повторились на звуковых — и это в какой-то мере упростило некоторые задачи в рамках настоящего проекта — но, как мы видели, глаголы звука оказались не менее удивительны, чем болевые: с ними пришли новые лингвистические проблемы. Их разрешит следующее расширение выборки и анализ лексического материала полей другой семантики.